

Основные правила игры в покер

Крупье раздает каждому игроку одну за другой две карты. Два игрока, находящиеся слева от крупье, называются **малый блайнд** и **большой блайнд**.

Первый круг ставок начинается с игрока, сидящего непосредственно слева от большого блайнда. Этому игроку, в зависимости от того, какие карты у него на руках, доступны следующие действия:

- **Фолд/пасс.** Тогда он сбрасывает свои карты и окончательно выходит из игры.
- **Колл большого блайнда**, т. е. ставка в банк на ту же сумму, что внес туда большой блайнд.
- **Рейз/повышение.** Тогда он ставит сумму бóльшую, чем поставил большой блайнд.

Как только первый игрок принимает решение, ход переходит к игроку, сидящему по левую руку от него, и далее по кругу. Малый блайнд и большой блайнд могут либо сравняться со ставками остальных игроков, либо повысить их. В случае повышения проводится второй круг ставок.

По завершении первого круга ставок крупье переворачивает три карты в центре стола. Эти карты называются **флоп**.

Второй круг ставок начинается с игрока, сидящего слева от крупье. В этом круге каждый игрок имеет возможность сказать:

- **Чек.** Игрок может сделать чек (чекнуть), это значит, что он не вносит в банк дополнительных денег. Сделать чек возможно только в том случае, если предыдущие игроки также не делали ставок.
- **Бет/ставка.** Игрок решает положить в банк столько денег, сколько захочет.
- **Рейз/повышаю.** Это означает поставить сумму бóльшую, чем игрок уже поставил.
- **Колл.** Это значит, если другой игрок уже сделал ставку, сравняться с ней в банке.
- **Фолд/пасс.** Тогда он сбрасывает свои карты и окончательно выходит из игры.

Когда заканчивается второй круг ставок, в центре стола переворачивается четвертая общая карта. Эта карта называется **терн**.

Третий раунд ставок может начаться так же, как и предыдущий. По его окончании в центре стола открывают пятую карту, которая называется **ривер**. Когда все игроки заканчивают делать ставки, оставшиеся в гонке игроки (то есть те, кто не спасовал) показывают свои карты. Игрок с самой высокой комбинацией карт выигрывает партию и забирает весь банк.

Комбинации карт в покере

Партию в покер выигрывает тот игрок, у которого оказывается самая высокая комбинация собственных карт и/или пяти карт, перевернутых на столе.

Ниже подробно описываются покерные комбинации от самой маленькой до самой большой.

- ПАРА: две одинаковые карты. ВНИМАНИЕ: если по итогу партии пара оказывается на руках у двух игроков, банк выигрывает тот, у кого карта более сильная.
- ДВЕ ПАРЫ: две пары карт.
- ТРОЙКА: три одинаковые карты на руках.
- СТРИТ: пять последовательных карт разных мастей.
- ФЛЕШ: пять карт в руке или на столе одной масти, например пять бубен, пять червей, пять пик или пять треф.
- ФУЛЛ-ХАУС: три карты одной масти и одна пара.
- КАРЕ: четыре одинаковые карты.
- СТРИТ-ФЛЕШ: комбинация из пяти последовательных карт (СТРИТ) одной масти (ФЛЕШ).
- РОЯЛ-ФЛЕШ: для комбинации роял-флеш необходимы пять самых сильных последовательных карт в колоде, то есть туз, король, королева, валет и десятка, и все они должны быть одной масти.

Пролог

Март. Санкт-Петербург, Россия

ЛЕВИЙ

— Нет! — рычу я, вырываясь, словно демон. — Отпустите ее! Она ничего не сделала!

Меня сдерживают сильные руки, а я кричу, и слезы заливают мое охваченное паникой лицо. Они не могут так поступить. Они не имеют права забирать ее у меня, не так, не сейчас. Она нужна мне так же, как и я ей.

Она и секунды не протянет в том месте, куда они ее везут. Я единственный смогу ее защитить, только я всегда и мог. Пусть даже до сих пор я ее подводил.

— Это все я! — снова реву в отчаянии. — Перестаньте! Вы ошиблись человеком!

Я в ярости кричу и, в миллионный раз ударив обхватившего меня полицейского в живот, бегу к ней. Люди вокруг кричат, кто-то пытается меня перехватить, но мне удается добраться до нее и обвить руками ее хрупкие плечи. Такие мягкие, такие знакомые плечи, на которые я столько раз взбирался в детстве. Плечи, на которых лежало столько забот, от которых я не смог ее избавить...

Это все моя вина. Я жалобно всхлипываю, утыкаясь в ее волосы, словно пятилетний ребенок, умоляя ее не бросать меня, и знаю, что она обняла бы меня в ответ, не будь ее руки скованы за спиной наручниками.

— Левий. Не плачь. Все будет хорошо, ангел мой.

— Парень, ты должен ее отпустить.

Нет. Нет. И тем не менее я бессилен. Трое полицейских оттаскивают меня назад, и я падаю на колени. Мои плечи трясутся. Мама издали мне улыбается. Она не плачет. Наоборот — она очень спокойна.

— Не глупи, хорошо? — говорит она твердо. — Хватит плакать. Мы скоро увидимся. Я люблю тебя.

Я трясусь головой, не в силах сдержать слез. Незнакомцы берут ее за руки и наконец уводят. Она в последний раз подмигивает мне, а затем поворачивается спиной. Я чувствую, что угасаю, пока лучшая часть меня быстрым шагом уходит все дальше.

Что мне теперь делать? Я до сих пор не пришел в себя. Я трясусь, словно лист на ветру, и так сильно, что мне даже не удастся встать на ноги, когда ко мне подходит дядя. Он похлопывает меня по плечам, напоминая, что я мужчина, и отводит к себе домой — там я, вероятно, и буду жить до своего совершеннолетия.

Я не слышу ни слова сочувствия — ничего, что могло бы меня успокоить. Он ведет себя так, будто ничего не произошло, будто моя мать не будет гнить в тюрьме за убийство моего отца.

Мама, зачем ты это сделала?

После знаменательного дня суда я очень редко с ней вижу. Мне разрешено навещать ее и даже раз в месяц звонить. Она из раза в раз повторяет, что у нее все хорошо, что ей даже удалось подружиться с другими женщинами в тюрьме. Я ей не верю, но притворяюсь. Когда наступает моя очередь, делаю так же, как и она: я вру. Говорю, что хорошо учусь, что не напиваюсь и что не хожу поздно вечером на вечеринки. Хотелось бы, чтобы так все и было. Но как иначе справиться со всеми эмоциями, что мучают меня днями и ночами, без подобного рода отвлекающих факторов?

Я хочу умереть.

Мне говорят продолжать жить своей жизнью, не прогуливать школу и делать все, чтобы мама мной гордилась. Но вместо этого я превращаюсь в озлобленного подростка. Озлобленного на своего отца, на свою мать, на самого себя. Но в основном на одного конкретного человека. Потому что нам всегда нужно обвинить кого-нибудь в своих страданиях, не правда ли?

Он появляется в газете через несколько недель после происшествия. Он известнее, чем я думал; бизнесмен, ставший миллионером до своих сорока (на его счете сто десять миллионов евро, не меньше) благодаря стриминговому музыкальному приложению. А еще он завсегдатай казино и покерных турниров.

Я не отрываю глаз от глянцевої бумаги, чувствуя, как бурлит от ненависти сердце, когда журналистка интересуется его мнением по поводу «трагической смерти» моего отца, великого игрока в покер. Тито Ферраньи, его соперник и заклятый враг номер один, как можно догадаться, ответил на это следующее:

«Это, бесспорно, печально... Кто бы мог подумать? Но знаете, говорят, что счастье одних строится на несчастье других. Живым нужно продолжать жить! И, полагаю, теперь на моем пути к победе больше ничего не стоит».

Прочитав русский перевод, я широко и возмущенно открываю рот. Он посмел... Он посмел заявить подобное в газете! Ему абсолютно плевать на то, что случилось. Мой отец посвятил жизнь этому соперничеству, оно было для него всем, чем-то гораздо большим, чем значили для его сердца мы с мамой. Но в Тито нет ни чести, ни верности. Он просто радуется, что теперь, когда мой отец умер, его шансы на победу возросли.

Все это началось из-за него. Он первым предал и унизил моего отца. Он — причина всех наших проблем. Это все его вина. Из-за него у меня было паршивое детство, из-за него умер мой отец и из-за него уже долгих десять лет моя мать

сидит в тюрьме. И у него хватает наглости заявлять подобное по телевизору... У него, свободного, безнаказанного и, более того, богатого и уважаемого своими коллегами.

Не отрывая пронзительного взгляда от бумаги, я даю себе молчаливое обещание: сколько бы времени это ни заняло, чего бы мне это ни стоило, Тито Ферраньи за это заплатит.

Мне все равно больше нечего терять.

— Господин Иванович, быть может, мне стоит повторить вопрос?

Я резко вынырываю из своих мечтаний, осознавая, что вокруг меня толпится группа журналистов. Я злюсь на себя за то, что вспоминаю тот мрачный период своей жизни в подобный момент, тем более на публике. Спускаясь из своего гостиничного номера, я уже знал, что они ждали меня. Честно говоря, их привел сюда сам Томас, по моей просьбе. Мне нужно передать через них кое-какое послание.

Не закрывая задней двери своего такси, я задумываюсь. Я уже не тот семнадцатилетний подросток, каким был, когда умер отец. Мои обида и жажда мести никуда не делись, но смягчились, подуспокоились. Из импульсивного и нетерпеливого человека я превратился в спокойного и расчетливого.

— Прошу прощения, что вы говорили? — вежливо спрашиваю я.

— Через два месяца стартует WSOP, и вы уже объявили о своем участии. В прошлом году вы заняли второе время в Главном турнире, поэтому все ждут вашего появления. Вы взбираетесь по карьерной лестнице с невиданной ранее скоростью, даже быстрее вашего отца. Несколько слов о ваших целях?

Я делаю вид, что задумываюсь. Зимний Санкт-Петербургский ветер со свистом забирается ко мне под пальто. Если честно, я с нетерпением ждал этого вопроса. Я вспоминаю

о тех напечатанных словах Тито. О его радости при мысли о том, что у него больше не осталось серьезных соперников. И в особенности я вспоминаю нашу первую встречу.

Мне был двадцать один год, и я только что потратил все свои сбережения на вступительный взнос для участия в турнире — десять тысяч евро, ни копейкой больше, ни меньше. Когда мы наконец оказались за одним столом, протянул ему для рукопожатия ладонь. Его, казалось, позабавила моя наглость — или глупость, — и когда он спросил, не его ли я поклонник, на очень ломаном английском я ответил ему ровно то, что пообещал себе годами ранее: «Я тот, кто вас свергнет. Левий Иванович. Запомните мое имя».

Я улыбаюсь, вспоминая, как быстро с его лица исчезло высокомерие. Он сразу же узнал мое имя, несомненно, такое же, какое было у его покойного друга. Но все-таки тогда он не посчитал меня угрозой.

Это было шесть лет назад.

— Если быть предельно откровенным... — говорю я в камеру и протянутый ко мне микрофон, — это будет последний год, когда я поучаствую в WSOP.

Их глаза в удивлении распахиваются, и они еще больше подаются вперед, желая расспросить о подробностях. Я поднимаю руку, и они молча замирают. Пользуясь моментом, я буравлю гневным взглядом камеру, надеясь, что где-то там, в мире, в Венеции или где-либо еще, Тито Ферраньи мочится от страха в свои же штаны при виде меня.

— Я решил уйти в отставку в качестве профессионального игрока.

Они одновременно начинают возмущаться. Я наслаждаюсь их изумлением, пьянея от возбуждения. *План успешно приведен в действие.*

— Уже?!

— Вы ведь так молоды! Что сподвигло вас на такое решение?

Мое внимание привлекает один журналист, который, хмурясь, пылко говорит:

— Что случилось со всем нам знакомым амбициозным молодым человеком? Я помню ваш первый год в Главном турнире; вы сказали, цитирую: «Я не остановлюсь, пока не стану номером один».

Я невозмутимо киваю.

— Это так. И раз уж я решил, что этот год станет моим последним, вы вправе делать из всего этого любой вывод, какой только пожелаете.

— Так, значит, вы утверждаете, что победите?

Он и так знает ответ, но хочет услышать его из моих уст. Я не колеблюсь ни секунды — это не в моем стиле.

— Безусловно.

Мой внутренний голос усмехается, называя меня высокомерным засранцем. Я этого и не отрицаю.

— Похоже, вы более чем уверены в этом. Тито Феррарни, ваш величайший на сегодняшний день противник, ранее бывший противником вашего отца, также подтвердил, что приедет...

— Тито очень силен, но ему жутко не хватает оригинальности. Стоит заметить, трещащий по швам брак и банкротство бизнеса также не добавили ему юности! — говорю я, а затем, уверенный, что только он один и узнает эти слова, добавляю: — Это, бесспорно, печально... Но знаете... говорят, что счастье одних строится на несчастье других.

Глава 1

Май. Макао, Китай

РОЗА

Мне жутко нужны деньги.

Но мой мозг считает, что мне нужен второй спортивный автомобиль, и в этом моя проблема.

Я в Китае две недели, и мне запретили вход уже в четырех казино. Полагаю, китайцы мало чем отличаются от итальянцев: и те, и другие не особо меня любят. И все же они мне нравятся.

Мне нравится впервые заходить в казино, когда лопаются барабанные перепонки от какофонии звуков игровых автоматов и криков победителей и когда меня охватывает одновременно и зависть, и эйфория. Мне нравится сидеть за покерным столом и наблюдать за всеми этими самодовольными мужчинами, что недооценивают меня, разглядывая мое декольте и помаду цвета бургунди.

Но самое приятное — это когда по мере того, как я их обираю, их полные презрения мордашки сменяются злобными взглядами. При этом чаще всего они упорно продолжают играть — это вопрос гордости.

— Видимо, новичкам везет, — приговаривают они, всегда обращаясь ко мне, словно объясняя этим свое поражение.

Наибольшие гордецы доходят до того, что в их руках не остается ни единой фишки. Их я люблю больше всего — мне нравится наблюдать за их позором. Их деньги пахнут

даже лучше, чем любые другие, — особенно когда я трачу их на дорожную обувь.

И в этом и есть моя проблема. Я либо продолжаю играть, пока не проиграю все в рулетку, либо спускаю все деньги на интенсивный шопинг. Мое последнее безумие: покупка кроваво-красного Ferrari F8 Tributo, притом что я прекрасно знала, что не задержусь в Китае надолго. Именно за рулем этой малышки я подъезжаю к Venetian — одному из многих казино этой страны, куда мне все еще открыт вход.

В ночи, опустившейся на Макао, здание сияет тысячью огней. Я выбираюсь из машины и передаю ключи парковщику. Цоканье моих шпилек напоминает удары кнута о бетон.

— Добро пожаловать в Venetian, — приветствуют меня по-английски.

Говорят, что Venetian в Макао — самое большое казино в мире. Разумеется, я должна была увидеть его своими глазами. При его постройке вдохновлялись городом Венеция, и потому в его распоряжении собственные внутренние каналы; по ночам пары наслаждаются романтической поездкой на гондолах, плывущих по бирюзовой воде. Признаться, выглядит очень похоже.

На меня накатывают воспоминания о доме. Я родилась во Флоренции, в Италии, но всегда чувствовала нужду исследовать мир. Я нигде не задерживаюсь дольше, чем на несколько месяцев. И если поначалу это было прикольно, то теперь я постепенно начинаю уставать... Я нигде не чувствую себя как дома.

Решительным шагом я прохожу через большой зал, позволяя своему взгляду с восхищением скользить по всему, что меня окружает. Каждый новый раз ничем не отличается от предыдущего: это адреналин, что течет по моим венам, заставляя сильнее биться в груди сердце, непреодолимый зов огней и звуков игровых автоматов, завораживающее желание поставить небольшое состояние, не зная, выиграю